

К.И. Зубков
И.В. Побережников
Г.Н. Шумкин*

K.I. Zubkov
I.V. Poberezhnikov
G.N. Shumkin*

**«Волны» колонизационной
активности в процессе освоения
восточных регионов России
(XVI – начало XX вв.)****

**Colonization “tides”
in the process of Developing
the Eastern regions of Russia
(16th – early 20th century)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-13

УДК 316.4:94(470)

Выходные данные для цитирования:

Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н.
«Волны» колонизационной активности в процессе
освоения восточных регионов России (XVI –
начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6.
С. 157–170. URL: [http://istkurier.ru/data/2019/
ISTKURIER-2019-6-13.pdf](http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf)

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-6-13

How to cite:

Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V., Shumkin G.N.
Colonization “tides” in the process of Developing the
Eastern regions of Russia (16th – early 20th century) //
Historical Courier, 2019, No 6. P. 157–170.
[Available online:] [http://istkurier.ru/data/2019/
ISTKURIER-2019-6-13.pdf](http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf)

Abstract. On the basis of the idea proposed by S.V. Bakhrushin in his times, the process of the Russian colonization of the Urals and Siberia is characterized in the light of historical change of the main economic functions of colonizing territories in the development of the Russian state during the 16th – early 20th centuries. Such an approach allows not only a better comprehension of the logic in changing the colonization “tides” but also a more distinct view of a contribution the eastern peripheries had made to the process of Russia’s modernization. Thus, the essence of the phenomenon of frontier modernization connected with the colonization can be better presented and explained. The first colonization “tide” was of a commercial nature and was focused on the exploitation of the fur wealth of the regions. Chronologically, it covers the 16th – 17th (and only partially 18th) centuries. Geographically, it included both the Urals and Siberia; as soon as its resource was depleted, it would shifted eastwards. The second “tide” was focused on the enclave development of the mining and metallurgical industry (Ural, Altai and Transbaikal mining and metallurgical complexes). As result, the industrial enclaves mentioned transformed into leading regions of the proto-industrial modernization in the 18th century. Finally, the third “wave” of colonization activity, which became noticeable in the eastern regions of the country since the middle of the 19th century, was focused on mass resettlement of peasants and the deepening of agrarian development of territories. The third, agrarian, “tide” of colonization was more large-scale demographically, more extensive territorially, more profound in the socio-institutional and economic-cultural relations. In the long run the third “tide” had important economic and social

* **Зубков Константин Иванович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), e-mail: pober1871@mail.ru

Шумкин Георгий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), e-mail: shumk@mail.ru

Zubkov Konstantin I., Candidate of Historical Science., Leading Scientific Researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Poberezhnikov Igor V., Doctor of Historical Sciences, director, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), e-mail: pober1871@mail.ru

Shumkin Georgy N., Candidate of Historical Sciences, Senior Scientific Researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), e-mail: shumk@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтирная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А

consequences, providing the creation of prerequisites for more organic economic growth in the future due to the expansion of the domestic market, diversification of economic activity, development of trade and cities, as well as the industrial sector related to the processing of agricultural products.

Keywords: frontier modernization; tides of colonization; the Urals; Siberia; furs; agrarian development; mining industry; forestry.

The article has been received by the editor on 28.11.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе концепции, предложенной в свое время С.В. Бахрушиным, процесс русской колонизации Урала и Сибири характеризуется сквозь призму исторической смены основных хозяйственных функций колонизируемых территорий в развитии Российского государства в XVI – начале XX вв. Данный подход позволяет не только лучше представить логику смены колониационных «волн», но и более рельефно осветить вклад колонизируемой восточной периферии в процесс модернизации России. Тем самым может быть более полно и предметно раскрыта сущность связанного с колонизацией феномена фронтальной модернизации. Первая колониационная «волна» носила промысловый характер и была ориентирована на эксплуатацию пушных богатств регионов. Хронологически она пришлась на XVI–XVII (и лишь отчасти – XVIII) вв. Территориально она захватила и Урал, и Сибирь; при этом по мере истощения ресурса она сдвигалась все более на восток. Вторая «волна» была ориентирована на анклавное развитие горно-металлургической промышленности (Уральский, Алтайский и Забайкальский горно-металлургические комплексы). Итогом ее явилось превращение соответствующих промышленных анклавов в регионы – лидеры протоиндустриальной модернизации в XVIII в. Наконец, третья «волна» колониационной активности, набиравшая темпы в восточных регионах страны с середины XIX в., была ориентирована на массовые переселения крестьян и углубление аграрного освоения территорий. Третья, аграрная, «волна» колонизации носила демографически более массовый, территориально – более широкий, в социально-институциональном и хозяйственно-культурном отношении – более глубокий характер. Третья «волна» в долгосрочной перспективе имела важные экономические и социальные последствия, обеспечивая создание предпосылок для более органичного экономического роста в будущем за счет расширения внутреннего рынка, диверсификации хозяйственной деятельности, развития торговли и городов, а также промышленного сектора, связанного с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: фронтальная модернизация; волны колонизации; Урал; Сибирь; пушнина; аграрное освоение; горная промышленность; лесное хозяйство.

Исторически, на протяжении имперского периода, российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность развития была характерна не только для России, но и для ряда других стран – США, Канады, Австралии, Китая, Бразилии, Аргентины. Модернизацию в условиях незавершенного освоения в свое время мы определили как фронтальную¹. России как стране фронтальной модернизации были присущи освоенческий синдром, который выражался в подвижности населения и растянутости колониационных процессов; дифференциация пространства на центр (ядро) и периферию, лишь постепенно преодолеваемая путем конвергенции; повышенная роль транспортного фактора; разновекторная диффузия (традиционного и современного типа) в условиях освоения новых территорий;

¹ *Побережников И.В.* Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // *Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ.* Екатеринбург, 2010. С. 308–310; *Он же.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся.* Вып. 12: ежегод. М., 2013. С. 246–274.

милитаризация регионов освоения, обеспечивавшая условия для стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства».

Фронтирность обуславливала неравномерность протекания процессов модернизации и их региональное своеобразие². В литературе была высказана мысль, что фронтирную модернизацию Азиатской России можно рассматривать как три поэтапно сменявшихся друг друга «волны»: уральскую (формирование комплекса металлургических производств); сибирскую (строительство и развитие Транссибирской железнодорожной магистрали); дальневосточную (хозяйственное освоение восточных рубежей империи)³. Цель данной публикации – проанализировать освоение восточных регионов (на примере Урала и Сибири) в более широкой хронологической перспективе (с захватом домодернизационного периода XVI–XVII вв.), взяв за основу несколько иной подход – выявление сущности колонизационной активности на разных исторических этапах с точки зрения последовательного задействования хозяйственных функций и их инфраструктурного обеспечения.

Освоение восточных частей Российского государства имело неравномерный, волнообразный и часто фрагментированный характер⁴. Как подметил еще С.В. Бахрушин, рассматривая русскую колонизацию огромной территории от Урала до Тихого океана, на каждом историческом этапе она «направлялась и руководилась различными задачами и целями», и каждый «новый интерес», оживлявший жизнь колонизируемых окраин, вытекал из наиболее острых потребностей национального хозяйства⁵. Поэтому данный процесс вынужденно принимал периодически возобновляемый, повторяющийся характер, что было связано с исторической ограниченностью результатов каждой «волны» колонизационной активности и, как следствие, с относительной незавершенностью хозяйственной освоенности колонизируемой территории. По этой же причине на каждом этапе существенно изменялись и территориальные ареалы активного освоения, формировались внутрорегиональные зоны «фронтира», как бы возвращавшие реалии давно минувших этапов колонизации, но одновременно производившие важную «достройку» регионального хозяйства и его модернизацию.

Исторический механизм подобной динамики русской колонизации в общих чертах ясен. В отличие от давно освоенных территорий исторического «ядра» государства, где полнота хозяйственной жизни, ее многоотраслевой характер формировались на органичной основе, путем длительных накоплений общественного богатства и естественного расширения возможностей его приложения, на колонизируемых окраинах эпохи хозяйственного оживления (и сопутствующий ему приток активного населения) были связаны в основном с избирательной эксплуатацией какого-то одного вида первичных ресурсов. Летописные восхваления открывшихся первопроходцам богатств «Сибирской земли» («дерева различное: кедри и прочая»; «зверие различнии, ови подобни на снадение человеком, ови же на украшение и на одяние риз»; «реки пространныя и прекрасныя зело»; «рыбы различныя множество»; «дебрь плодovitая на жатву и скотопитательная места пространна зело»)⁶, которые, казалось бы, обеспечивали возможности для широкого разнообразия хозяй-

² *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–89; *Он же.* Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Международная научная конференция. Оренбург, 2019. С. 173–178.

³ *Алексеев В.В.* Фронтирная модернизация в имперской России // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17, № 2. С. 6–13.

⁴ *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 489–586; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; *Сибирь в составе Российской империи.* М., 2008. *Вершинин Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург, 2018.

⁵ *Бахрушин С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. второй / Комитет Севера при Русском географическом обществе и Северная колонизационная экспедиция. Пг., 1922. С. 44–45.

ственной жизни, контрастируют с тем фактом, что в течение почти полутора столетий динамика русской колонизации Сибири и вся организация ее неразвитой и довольно скудной хозяйственной жизни были подчинены целям извлечения пушных богатств – того единственного ресурса, который регион, в отличие от давно освоенных территорий, предлагал в избытке. Именно это, говоря языком современной экономической теории, сравнительное региональное преимущество могло создать достаточно сильную мотивацию для переселений в Сибирь – как добровольных (промышленные люди, «гулящие» и беглые), так и организуемых правительством (служилые люди). Свидетельство Г.К. Котошихина, описавшего деятельность Сибирского приказа, не оставляет сомнений в том, что первоначально вся система переселений в Сибирь, как и вся организация административного управления ею, были подчинены исключительно обеспечению «прихода» в царскую казну сибирской пушнины, приносившей до 600 тыс. рублей ежегодно. «А денежных доходов с тамошних (сибирских – Авт.) городов не бывает никаких, исходят там на жалованье служилым людям...», – добавляет беглый дьяк, большой знаток московских приказных дел, характеризуя бедность прочей – не связанной с добычей пушнины – хозяйственной жизни Сибири. Не проходит Котошихин и мимо того факта, что присылаемые в казну «мягкие рухляди» добывали в основном «ясачные люди, Таторовя, и Чюваша, и Вотяки, и иные»⁷. Иначе говоря, добыча пушнины (если исключить из рассмотрения ее нелегальные обороты через частные руки) главным образом зиждилась на административной системе фискальной эксплуатации туземного населения, которая, наследуя традиционную для народов Сибири практику данничества, тем более не вносила существенных изменений в их патриархальный хозяйственный уклад и образ жизни. Устройство же «сибирской пашни», которое берет начало с царского указа 1590 г. о переселении из Сольвычегодска в Сибирь первых 30 «пашенных» семей⁸ и продолжается в виде устройства под защитой острогов пахотных слобод, служило главным образом целям самообеспечения немногочисленного русского населения хлебом, доставка которого в Сибирь из Европейской России, ввиду плохих путей сообщений и длительных сроков, превращалась для правительства в большую проблему. Начало хлебопашества в Сибири, которое некоторые авторы (И.В. Щеглов) и считали настоящим началом ее колонизации⁹, в первые два века освоения не развилось в массовый и имеющий самостоятельное значение экономический тренд, но являлось скорее элементом инфраструктурного обеспечения главного экономического процесса – добычи пушнины.

Этот процесс, несомненно, объясняет ту парадоксальную на фоне извлекаемых пушных богатств «скудость», что выражалась в «недостатке людей, духовных и материальных средств» в Сибири первых двух веков колонизации¹⁰. Заинтересованное в бесперебойном функционировании Сибири как своеобразного пушного «цеха» государства, русское правительство практиковало определенный минимализм в части затрат на ее освоение и крайне разборчиво относилось к привлечению в нее любых – сверх необходимости – контингентов переселенцев. Отсюда стремление к минимизации затрат на доставку хлеба и припасов; поощрение не только устройства местной пашни, но и вообще любых форм самообеспечения (вплоть до позволения служилым людям промышленять и хозяйствовать на земле); регламентация переселений с расчетом на сведение их к минимуму и на прикрепление каждой человеческой единицы к делу¹¹. Неудивительно, что за первые 200 лет колонизации

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 44.

⁷ Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М., 2000. С. 84

⁸ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. С. 16.

⁹ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 46.

¹⁰ Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки. СПб., 1899. С. 6.

¹¹ Зубков К.И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2019. № 1 (535). С. 20.

Сибири (к 1785 г.) русское население этой огромной территории достигло лишь 900 тыс. человек¹².

Как видно уже на примере первой «волны» колонизации восточных регионов России, которая была связана с эксплуатацией их пушных богатств и напоминала своим поверхностным, минималистским подходом к освоению территорий снятие «природной ренты», предпосылкой колонизационной активности являлась их естественная ресурсная продуктивность, а мощным стимулом и регулятором – факторы внешнего (экспортного) и внутреннего (государственного) спроса на соответствующие виды ресурсов. Спрос же этот определялся, как правило, целым комплексом исторических обстоятельств, включая и необходимость модернизации страны.

Наиболее ранний и яркий пример влияния структуры внешнего спроса на характер и темпы русской колонизации представляет собой распространившаяся далеко на северо-восток – до Печоры и Югры – промысловая колонизация Великого Новгорода, начавшаяся уже с XI в.. С.Ф. Платонов в свое время убедительно объяснял географическую доминанту новгородской колонизации тем, что именно промысловая продукция двинского Поморья и еще более отдаленных северо-восточных земель – пушнина, рыба, ворвань, моржовая кость, соль – составляла главный предмет торговых обменов Новгорода с Европой; «заморские» же товары новгородцы сбывали в «низовых» русских землях, получая в обмен продовольствие, которого им хронически недоставало. Эта сложная схема товарообмена обусловила исключительно промысловый и коммерчески-ориентированный очаговый характер новгородской колонизации, которая почти полностью контролировалась крупными новгородскими боярами, являвшимися одновременно держателями торговых оборотов с Европой¹³.

В чем-то аналогичную промысловой продукции Новгорода роль играла пушнина в ходе русской колонизации Урала и Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. При недостаточной развитости денежного обращения в стране, сосредотачивавшиеся в руках государства запасы пушнины служили высоколиквидным «маневренным» ресурсом, с помощью которого оплачивались государственные потребности, кредитовалось купечество и, что существенно, поддерживались торговые (а вместе с ними также дипломатические и культурные) отношения с наиболее развитыми государствами Западной Европы. Даже если сама эксплуатация пушных богатств Сибири осуществлялась посредством архаичных экономических форм, пушнина как высоколиквидный и ценившийся на европейских рынках товарный ресурс, играла прогрессивную роль в подготовке предпосылок модернизации России.

Тот факт, что структура внешнего и внутреннего спроса на те или иные ресурсы в сильнейшей степени определяла характер и масштаб колонизации восточных окраин Русского государства, заставляет предполагать в развитии колонизируемых окраин видоизменение общего исторического порядка смены экономических форм. Если в эволюции господствующих хозяйственных форм, в целом, наблюдалось поступательное движение от примитивного промыслового хозяйства к развитию аграрного производства, а от последнего – к индустриальному, то в развитии колонизируемых территорий, как показывает опыт освоения Урала и Сибири, этот порядок мог существенно меняться.

Как отмечал С.В. Бахрушин, второй, следовавшей за пушной «лихорадкой» XVII в., «волной» колонизации на востоке России стало не ускорение аграрной колонизации, но возникновение «нового интереса», имевшего стратегическое значение, – развитие горно-металлургической промышленности¹⁴. Два периода колонизации востока не имеют четкой разделительной грани: в то время как пушной промысел, в целом теряя свою значимость, еще продолжает свою экспансию на самых дальних восточных окраинах и в 80-е гг. XVIII в. переносится даже в Северную Америку, одновременно уже в XVII в. на востоке страны ведутся активные поиски металлических руд (железа, меди, серебра), строятся (на Урале)

¹² Щеглов И.В. Хронологический перечень... С. 64.

¹³ Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 9.

¹⁴ Бахрушин С.В. Исторический очерк... С. 40, 42, 44–45.

первые металлургические заводы¹⁵. А в ходе петровской модернизации России в начале XVIII в. «осью» русской колонизации восточных регионов становятся сразу три устойчиво развивающихся и охватывающих обширные территории горно-металлургических комплекса – Уральский, Алтайский и Забайкальский (Нерчинский). По образной оценке С.В. Бахрушина, в XVIII – начале XIX вв. Сибирь вместе с Уралом из страны «соболя и чернобурой лисицы... превращается в “золотоносную” страну рудников и копей»¹⁶. Вновь, как и в случае с пушниной, предпосылкой развития горной промышленности на востоке страны становятся исключительно богатые первичные ресурсы (на этот раз – рудные); дополнительным фактором, благоприятствующим этому развитию, являются нетронутые лесные массивы Урала и Сибири. Комбинирование этих богатейших ресурсов обеспечило на Урале себестоимость производства полосового железа в 2–2,5 раза ниже, чем на олонечских и подмосковных заводах¹⁷. Ведущим же стимулом придания русской колонизации востока нового направления становятся возрастающие военные потребности государства и стремление к мобилизации валютных ресурсов. Развитие горно-металлургической промышленности на Урале и в Сибири существенно изменило роль окраин в проведении модернизации страны: теперь, при всей своей общей неразвитости и слабой заселенности, они превращаются в регионы преимущественно индустриального развития в стране, остающейся в своем базисе преимущественно аграрной.

Примерно с середины XIX в. дело колонизации восточных окраин России получает совершенно новый оборот. Третьей «волной» колонизации можно считать постепенно набиравшие силу и достигшие апогея в предреволюционные годы массовые аграрные переселения на Урал, в Сибирь и Степной край, на Дальний Восток. Если за период с 1861 по 1885 г. колонизационный поток за Урал составил около 300 тыс. переселенцев, то в следующее двадцатилетие – с 1886 по 1905 г. – в Азиатскую Россию прибыли 1 520 750 душ обоюбого пола. Своего пика – 2 516 075 душ – крестьянские переселения за Урал достигли в период с 1906 по 1910 г. (Средний годовой размер переселенческого движения составил: в 1861–1885 гг. 12 тыс. чел., в 1886–1905 гг. – 76 тыс., в 1906–1910 гг. – 500 тыс. чел.)¹⁸. Масштаб крестьянских переселений в то же время свидетельствовал и о качественном переломе в ходе многовековой русской колонизации востока. Впервые массовые переселения на восток имеют своей целью вовлечение в хозяйственный оборот страны главного и самого значительного ресурса зауральских территорий – ее пригодных для развития сельского хозяйства земель. Если с точки зрения стадийной эволюции мирового хозяйства аграрная колонизация в период, когда мир стремительно переходил к индустриализации, возможно, не представляла собой вершины прогресса, то по своему общему социально-экономическому эффекту (плотность заселения, коммуникационного и социального обустройства новых территорий, глубина и сплошной характер их освоения) массовая крестьянская колонизация позднеимперского периода превосходила все достижения предшествующих веков. Первая «волна» колонизации сделала Россию обладательницей обширнейших пространств северо-восточной Евразии, но преходящий характер этого экспансионистского рывка, достигшего побережий Северного Ледовитого и Тихого океанов, быстро превратил эти пространства в экономическую пустыню. Вторая «волна» колонизации создала на пространствах Урала и Сибири «островные» очаги индустриального экономического уклада, еще довольно слабо связанные в хозяйственном отношении с окружающими их территориями. В связи с этим уже в конце XVIII – начале XIX вв. правительство было озабочено вопросом: что делать с этими «втуне лежащими» и слабозаселенными территориями, расходы на поддержание которых значительно превосходили получаемую от них экономи-

¹⁵ Подробнее см.: Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

¹⁶ Бахрушин С.В. Исторический очерк... С. 47.

¹⁷ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 105.

¹⁸ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год. СПб., 1911. С. 2.

ческую отдачу? Именно такую постановку вопроса о дальнейшей судьбе колонизируемых окраин С.В. Бахрушин обнаруживает уже в указе от 17 октября 1799 г. «О населении Сибирского края, прилежащего к границам Китайским...»¹⁹. В необходимости разрешения этой проблемы, пожалуй, можно видеть главную мотивацию, которой руководствовалось русское правительство, приступая к поощрению и поддержке крестьянских переселений за Урал. В течение большей части XIX в. дело, однако, подвигалось слабо. Господство в стране крепостного права не располагало к развертыванию аграрных переселений, и последние долгое время ограничивались переводом в Сибирь небольших партий казенных крестьян.

С отменой крепостного права в 1861 г., и особенно в связи с ощущавшимся в Европейском центре страны малоземельем, формировались и социальные предпосылки для организации массовых крестьянских переселений на восток. Важно при этом отметить, что стремление правительства двинуть дальнейшее освоение восточных окраин империи в такой форме вполне объяснимо, и вытекало из всей органики русской исторической жизни. Участие государства в организации и поддержке процесса колонизации Сибири не только позволяло ему частично разрешать острую проблему крестьянского малоземелья в центре Европейской России (и, следовательно, снимать там опасное социальное напряжение), но и предлагать для решения назревшей задачи освоения зауральских территорий империи наиболее простой и *относительно дешевый* способ, уповая на самостоятельную жизненную силу и хозяйственную сметку крестьянина-переселенца, т.е., по существу, вкладывая в развитие востока страны не столько *капиталы* (которых не было), сколько *рабочие руки*²⁰. Важной предпосылкой успешности массовой аграрной колонизации востока Российской империи явилось и то, что к моменту ее развертывания (конец 1880-х гг.) общим ходом развития страны и мира были подготовлены благоприятствующие массовым переселениям социальные и культурно-технологические условия, которые Дж. Белич обобщенно обозначает как феномен «переселенческой революции»²¹. Действительно, «вторая промышленная революция», благодаря ускоренному росту магистрального транспорта, систем передачи информации и технической вооруженности человека в борьбе с силами природы, привела к резкой активизации и массовизации колонизационных потоков в разных частях света. Как следствие технического прогресса, рациональный выбор человека в пользу *переселения* как способа улучшения своего благосостояния и повышения экономической свободы был значительно облегчен²². Для колонизации Азиатской России, безусловно, судьбоносную роль играла прокладка Транссибирской железнодорожной магистрали.

В долговременном плане аграрная колонизация восточных регионов России имела важные экономические и социальные последствия. Аграрная колонизация Сибири на рубеже XIX–XX вв. не вела к превращению региона в «царство» мелких крестьянских хозяйств. Г.Ф. Чиркин (сотрудник Переселенческого управления, в 1916–1917 гг. – его глава), не преувеличивая темпов диверсификации экономики Сибири, в 1911 г. констатировал ее «заметный экономический подъем», который можно было рассматривать, прежде всего, как кумулятивный эффект стимулированной прокладкой Транссибирской железнодорожной магистрали интенсивности переселений. Увеличение емкости рынка сбыта (не только за счет потребностей переселенческих хозяйств, но и в связи с дислоцированием в регионе дополнительных войск) вызвало рост торговли и городов, сопровождавшийся притоком денежных капиталов (в том числе иностранных); это, в свою очередь, вело к постепенному переливу крупных купеческих капиталов в сферу промышленности, прежде всего, связанной с переработкой аграрной продукции. Важные прогрессивные изменения происходили в

¹⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 48–49.

²⁰ Зубков К.И. Указ. соч. С. 13.

²¹ Belich, J. Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford; N.Y., 2009. xii, 573 p.

²² Зубков К.И. Колонизация в истории России: экономика и геополитика // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 188.

сфере самого сельского хозяйства. Здесь институциональные изменения (переход от крестьянского землепользования на основе оброчного держания к закреплению земли в частной собственности) шли рука об руку с техническими усовершенствованиями (использование сельскохозяйственных машин, новых приемов агротехники, переносимых в Сибирь переселенцами из разных областей Российской империи), приводя, в итоге, к образованию крупных работающих на рынок специализированных хозяйств предпринимательского типа. Созданное развитием транспорта облегчение вывоза аграрной продукции, повышая доходы крестьянской экономики, способствовало их переливу в сферу переработки сельскохозяйственных продуктов. В 1910 г. масштабы их вывоза из Сибири достигли внушительных величин: хлеба (в зерне и муке) – 40 млн пудов, мяса – 2,2 млн пудов, живого скота – 61 тыс. голов, сливочного масла – на 45 млн руб.²³. Прогресс крестьянской экономики, таким образом, формировал предпосылки для прохождения переселенческими регионами первых стадий индустриализации, органично растущей «снизу» благодаря коммерциализации аграрного сектора экономики.

Однако перспективы третьей «волны» колонизации этим не ограничивались. В соответствии с требованиями времени (прежде всего, структурой спроса в международном разделении труда к началу XX в.) и быстро обнаружившимся дефицитом удобного для земледелия колонизационного фонда, правительством на крестьянскую колонизацию стали возлагаться дополнительные расчеты, которые вносили вариативность в ее ход и дробили ее магистральный поток на локальные зоны «фронтира» и соответствующие условиям местности специальные задачи. Одним из таких направлений стали попытки переориентировать часть колонизационных потоков в лесотаежную зону, где трудности возделывания почв компенсировались бы дополнительными доходами от различных отраслей лесного хозяйства. Перед Первой мировой войной уже стали разрабатываться планы по использованию охватившего страну колонизационного подъема для освоения лесотаежной зоны «ближнего» Севера. В качестве первоочередного объекта для этого были предусмотрены таежные районы по р. Чулым в северо-восточной части Томской губернии²⁴. Хотя до реализации подобных крупных кампаний по развитию лесопромышленного направления колонизации дело не дошло, стихийным образом, в порядке естественной адаптации переселенческих хозяйств к новым условиям экономической деятельности, наблюдалась переориентация части их на лесные промыслы. При трудностях расчистки лесных площадей и отсюда малых размерах посевных площадей, при медленности роста хозяйства в этих районах (сравнительно с лесостепными районами), в хозяйстве переселенца, заброшенного в глубокую тайгу, видное место приобретали заготовка леса и дров, различные виды сухой перегонки дерева, кустарные деревообрабатывающие промыслы и т.п. Так, в Сибири, согласно обследованию 1911 г., до 36 % работников-мужчин в переселенческих хозяйствах уже были заняты неземледельческими лесными промыслами, в том числе заготовкой леса. При массовом притоке крестьян-переселенцев в таежную зону возникала перспектива развертывания в районах «ближнего» Севера крупной лесозаготовительной промышленности и организации экспорта лесных материалов за границу путем использования сплавных рек и трассы Северного морского пути²⁵.

Еще одним районом лесопромышленной колонизации стали примыкавшие к Уральской горной области леса Тобольской губернии. Урал, сформировавшийся в процессе второй, горнозаводской, волны колонизации Сибири в XVIII в. как особый регион древесноугольной металлургии, к концу XIX в. подошел к естественному рубежу своего развития – он стал

²³ Чиркин Г.Ф. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. Периодический сборник под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб., 1911. № 8. С. 4–6.

²⁴ Заключение переселенческой комиссии Государственной Думы по проекту плана последовательной колонизации таежных пространств // Вопросы колонизации: Периодический сборник / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. 1913. № 13. СПб., 1913. С. 257–262.

²⁵ Зубков К.И. Лесная колонизация Урало-Сибирского Севера: опыт реконструкции хозяйственной концепции 1920-х гг. // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018. С. 92–93.

испытывать дефицит топлива. Из всех возможных вариантов разрешения данной проблемы – переход на минеральное топливо; введение энергосберегающих технологий; утилизация слабо освоенных лесных массивов горнозаводского Урала и эксплуатация лесных массивов Западной Сибири – наиболее эффективным (с точки зрения как сроков реализации, так и стоимости проекта) казался последний вариант. Вдохновителем и главным пропагандистом идеи колонизации Сибири горнозаводским Уралом стал В.Д. Белов. По его расчетам, леса севера Верхотурского уезда (3 млн десятин), Туринского Урмана в междуречье Туры и Тавды (5,5 млн дес.) и по левому берегу р. Тавды (не менее 2 млн дес.), а также леса Чердынского уезда (5 млн дес.) будут давать столько древесного угля, сколько необходимо для выплавки 200 млн пуд. чугуна. Это было в 6 раз больше того, что выплавляли заводы Урала (в 1895 г. – 33 млн пуд.); более чем в два раза больше того, что выплавлялось заводами России (88 млн. пуд) и потреблялось народным хозяйством страны (96 млн пуд)²⁶! Для того чтобы реализовать столь грандиозные перспективы, следовало сделать, по его мнению, не так много – построить две железные дороги (Кушва – р. Сосьва и Богданович – р. Тавда) и создать инфраструктуру, необходимую для заготовки дров, их сплава по рекам и выжигания угля.

Оппоненты Д.В. Белова (профессора Д.И. Менделеев²⁷ и И.Х. Озеров²⁸, инженер А.Н. Митинский²⁹, главный горный начальник Уральских заводов П.П. Боклевский³⁰, начальник отделения Департамента железнодорожных дел Министерства финансов Н.Д. Былим-Колосовский³¹), в принципе, не отрицая полезности дела колонизации, давали менее оптимистичные прогнозы относительно ресурсного потенциала лесов Западной Сибири (например, П.П. Боклевский считал, что на сибирском древесном угле можно выплавлять не 200, а только 12 млн пуд. чугуна³²) и больше внимания уделяли трем другим альтернативам разрешения топливного кризиса на Урале. Более того, Н.Д. Былим-Колосовский показал, что идея освоения лесов в бассейне р. Сосьва бесперспективна³³ (вместо Сосьвинской дороги стал обсуждаться более грандиозный проект строительства дороги от Урала к Архангельску по слабо освоенным таежным районам Севера Европейской России); а, по мнению А.Н. Митинского, в ближайшем будущем уральской металлургии придется вступить в конкурентную борьбу за лесоматериалы с потребителями деловой древесины и проиграть в ней, так как деловая древесина имеет большую цену, чем лес в виде топлива³⁴.

Тем не менее, несмотря на всю критику, идея обеспечения металлургических заводов топливом из сибирских лесов была с воодушевлением принята горнозаводчиками. С 1897 г. обязательным пунктом резолюций Съездов горнопромышленников Урала стало требование строительства дороги на Тавду, однако экономический кризис начала XX в. затормозил реализацию данного проекта. В 1903 г. западносибирский вектор развития уральской металлургии был институционально оформлен – новым разграничением горных областей восточных районов империи север Западной Сибири – Березовский уезд Тобольской губернии – был передан в Уральскую горную область³⁵. Проект освоения сибирских лесов начал реализовываться накануне Первой мировой войны: в 1917 г. были построены два лесопильных завода, 40 углевыжигательных печей и Тавдинская железная дорога со всей необходимой инфраструктурой. Однако развернуться на полную мощность данный проект

²⁶ Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 167.

²⁷ Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С.Ю. Витте / Ред. Д. Менделеев. СПб, 1900.

²⁸ Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910.

²⁹ Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб., 1909.

³⁰ Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург, 1899.

³¹ Былим-Колосовский Н.Д. Древесное топливо на Урале. СПб., 1900.

³² Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности... С. 10.

³³ Былим-Колосовский Н.Д. Древесное топливо на Урале... С. 44.

³⁴ Митинский А.Н. Горнозаводский Урал... С. 34.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIII, Отделение I. СПб., 1905. № 23111. С. 691.

не успел: вначале этому помешала экономическая катастрофа, вызванная сменой социально-экономического строя и гражданской войной, затем изменились приоритеты в развитии народного хозяйства: к концу 1920-х гг. в ходе оптимизации производственной структуры из 96 металлургических заводов, работавших в 1913 г., остались только 33 – прочие были закрыты или перепрофилированы³⁶. Оставшиеся заводы стали постепенно переводиться на кокс, получаемый из сибирского каменного угля. Так стало реализовываться более перспективное решение топливной проблемы – проект соединения уральской руды и кузнецкого коксующегося угля в единый производственный комплекс – Урало-Кузбасс³⁷.

Итак, на протяжении рассматриваемого периода можно наблюдать изменение природы колонизационной активности в ходе освоения восточных регионов страны – Урала и Сибири, обусловленное эволюцией потребностей национально-странового хозяйства, ресурсной обеспеченностью самих регионов, ритмом их внутреннего развития. Охарактеризованные выше три «волны» связаны со сменой фокуса хозяйственного освоения, расширением хозяйственных функций территорий. Первая «волна», стимулированная факторами внешнего и внутреннего спроса, носила промысловый характер и была ориентирована на эксплуатацию пушных богатств регионов. Хронологически она пришлась на XVI–XVII (и лишь отчасти – XVIII) вв. Территориально она захватила и Урал, и Сибирь; при этом по мере истощения ресурса она сдвигалась все более на восток. Вторая «волна», стимулированная возросшими военными потребностями государства, была ориентирована на анклавное развитие горно-металлургической промышленности (Уральский, Алтайский и Забайкальский горно-металлургические комплексы). Итогом ее явилось превращение соответствующих промышленных анклавов в регионы – лидеры протоиндустриальной модернизации в XVIII в. Наконец, третья «волна» колонизационной активности (ее ключевым фактором выступал спрос на аграрную продукцию, обусловленный местом России в международном разделении труда), набиравшая темпы в восточных регионах страны с середины XIX в., была ориентирована на массовые переселения крестьян и углубление аграрного освоения территорий. При этом там, где условия для эффективного аграрного производства отсутствовали или были ограничены, колонизация принимала иной облик, трансформируясь, например, в лесопромышленную. Третья, аграрная, «волна» колонизации носила демографически более массовый, территориально – более широкий, в социально-институциональном и хозяйственно-культурном отношении – более глубокий характер. Третья «волна» в долгосрочной перспективе имела важные экономические и социальные последствия, обеспечивая создание предпосылок для более органичного экономического роста в будущем за счет расширения внутреннего рынка, диверсификации хозяйственной деятельности, развития торговли и городов, а также промышленного сектора, связанного с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Литература

Алексеев В.В. Фронтирная модернизация в Российской империи // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17, № 2. С. 6–13.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века. М.: Наука, 2004. 600 с.

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.

Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. второй / Комитет Севера при Русском географическом обществе и Северная колонизационная экспедиция. Пг.: Ред.-изд. Комитет Народного Комиссариата Земледелия, 1922. С. 18–79.

³⁶ *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 533–537.

³⁷ См.: Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010.

Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб.: тип. И. Гольдберга, 1896. 179 с.

Боклевский П.П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург: [б.и.], 1899. 59 с., 3 ил., карт.

Былим-Колосовский Н.Д. Древесное топливо на Урале. СПб.: ред. «Вестника финансов, промышленности и торговли», «Торгово-промышленной газеты» и «Русского экономического обозрения», 1900. 47 с.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.

Заключение переселенческой комиссии Государственной Думы по проекту плана последовательной колонизации таежных пространств // Вопросы колонизации: Периодический сборник / под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. 1913. № 13. СПб., 1913. С. 257–262.

Зубков К.И. Колонизация в истории России: экономика и геополитика // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «АльфаПринт», 2019. С. 186–190.

Зубков К.И. Лесная колонизация Урало-Сибирского Севера: опыт реконструкции хозяйственной концепции 1920-х гг. // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Международная научная конференция. Оренбург, 7–8 декабря 2018 г.: сб. статей. Оренбург: ООО ИПК ОГУ, 2018. С. 89–94.

Зубков К.И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2019. № 1 (535). С. 8–24.

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Изд. Канцелярии Комитета Министров, 1900. 374 с.

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 321 с.

Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909. 244 с., табл.

Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. 624 с. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.).

Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. VIII, 253, [2] с.

Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 246 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и Отчет по переселению и землеустройству за 1910 год / Переселенческое Управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1911. [5], 501 с., 68 л. ил., карт.

Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг.: Изд-во «Время», 1923. 79, [1] с.

Побережников И.В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2010. С. 308–310.

Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник. М.: Новый хронограф, 2013. С. 246–274.

Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

Побережников И.В. Региональные варианты фронтальной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Международная научная конференция. Оренбург, 7–8 декабря 2018 г.: сб. статей. Оренбург: ООО ИПК ОГУ, 2018. С. 173–178.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIII, Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1905. 1167, [136] с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 382 с.

Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. vi, 407 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.

Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 370 с.

Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сборник статей и документов. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. 400 с.

Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С. Вуколовым, К. Егоровым, П. Земятченским и Д. Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С.Ю. Витте / Ред. Д. Менделеев. СПб: М-во финансов по Деп. торговли и мануфактур, 1900. 464, 256, 146 с.

Чиркин Г. О задачах колонизационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. Периодический сборник под ред. Г.Ф. Чиркина и Н.А. Гаврилова. СПб., 1911. № 8. С. 1–37.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: «Северный дом», 1993. 463 с.

Belich, J. *Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2009. xii, 573 p.

References

Alekseyev, V.V. (2017). *Frontirnaya modernizatsiya v Rossiyskoy imperii* [Frontier-type modernization of Imperial Russia]. In *Vestnik YuUrGU. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 17, No 2. Pp. 6–13.

Alekseyev, V.V., Alekseyeva, E.V., Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2004). *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI—XX veka* [Asian Russia in geopolitical and civilizational dynamics. 16th–20th centuries]. Moscow, Nauka. 600 p.

Alekseyev, V.V., Gavrillov, D.V. (2008). *Metallurgiya Urala s drevnejshih vremen do nashih dney* [Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day]. Moscow, Nauka. 886 p.

Bahrushin, S.V. (1922). *Istoricheskiy ocherk zaseleniya Sibiri do poloviny XIX veka* [Historical essay of the settlement of Siberia to the half of the 19th century]. In *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri*. Issue 2. Petrograd, Komitet Narodnogo Komissariata Zemledeliya. Pp. 18–79.

Belich, J. (2009). *Replenishing the Earth: The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939*. Oxford, Oxford University Press; N.Y. xii, 573 p.

Belov, V.D. (1896). *Istoricheskiy ocherk ural'skih gornyh zavodov* [Historical essay of the Ural mountain plants]. St. Petersburg, 179 p.

Boklevskiy, P.P. (1899). *Perspektivy ural'skoy gornoy promyshlennosti* [Prospects of the Ural mining industry]. Yekaterinburg. 59 p.

Bylim-Kolosovskiy, N.D. (1900). *Drevesnoe toplivo na Urale* [Wood fuel in the Urals]. St.-Petersburg. 47 p.

Chirkin, G. (1911). *O zadachah kolonizatsionnoy politiki v Sibiri* [On the tasks of colonization policy in Siberia]. In *Voprosy kolonizatsii. Periodicheskiy sbornik* [Questions of colonization. Periodical collection]. ed. Chirkin, G.F., Gavrillov, N.A. No 8. St.-Petersburg. Pp. 1–37.

Chirkin, G.F., Gavrillov, N.A. (Eds.). (1913). *Zaklyuchenie pereselencheskoy komissii Gosudarstvennoy Dumy po proektu plana posledovatel'noy kolonizatsii taezhnykh prostranstv* [The Conclusion of the Committee of the State Duma on the project of coherent colonization of taiga areas]. In *Voprosy kolonizatsii: Periodicheskiy sbornik* [Questions of colonization: a Periodical]. No 13. St.-Petersburg, pp. 257–262.

Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshchim pereselencheskim voprosom [Colonization of Siberia in connection with the general resettlement issue]. (1900). St.-Petersburg, Izdatel'stvo Kancelyarii Komiteta Ministrov. 374 p.

Kurlaev, E.A., Mankova, I.L. (2005). *Osvoenie rudnyh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII veke: u istokov rossijskoy promyshlennoy politiki* [Development of ore deposits of the Urals and Siberia in the 17th century: at the origins of Russian industrial policy]. Moscow, Drevlekhranilishche. 321 p.

Mendelev, D.I. (Ed.). (1900). *Ural'skaya zheleznaya promyshlennost v 1899 g., po otchetam o poezdke, sovershennoy s vysochajshogo soizvoleniya: S. Vukolovym, K. Egorovym, P. Zemyatchenskim i D. Mendeleevym, po porucheniyu g-na ministra finansov, stats-sekretarya S.Yu. Vitte.* [The Ural iron industry in 1899, according to reports on the trip made with the highest permission: S. Vukolov, K. Egorov, P. Zemyatchensky and D. Mendeleev, on behalf of Mr. Minister of Finance, state Secretary S. Yu. Witte.]. St.-Petersburg. 464, 256, 146 p.

Mitinskiy, A.N. (1909). *Gornozavodskiy Ural* [Mining Ural]. St. Petersburg, Tipografiya F. Vajsberga i P. Gershunina. 244 p.

Moskoviya i Evropa [Muscovy and Europe]. (2000). Moscow, Fond Sergeya Dubova. 624 p.

Opyt rossijskih modernizacij. XVIII–XX veka [Experience of Russian modernization. 18th–20th centuries]. (2000). Moscow, Nauka. 246 p.

Ozerov, I.H. (1910). *Gornye zavody Urala* [Mining plants of the Urals]. Moscow, Tipografiya I.D. Sytina. 253 p.

Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1906–1910 gg. Otchet po pereseleniyu i zemleustrojstvu za 1910 god [Resettlement and land management beyond the Urals in 1906–1910. A report on resettlement and land management for 1910]. (1911). St.-Petersburg, Tipografiya M.P. Frolovoj. 501 p.

Platonov, S.F. (1923). *Proshloe russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomorya* [The Past of the Russian North: Essays on the History of Colonization of Pomorie]. Petrograd, Izdatelstvo Vremya. 79 p.

Poberezhnikov, I.V. (2010). Ural v XVIII–XIX vv. (primer frontirnoy modernizatsii) [Ural in the 18th–19th centuries (example of frontier modernization)]. In *Vosmye Tatishchevskie chteniya* [The Eighth Tatishchev readings]. Yekaterinburg, UMC UPI. Pp. 308–310.

Poberezhnikov, I.V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossijskiy civilizatsionnyy fenomen [Frontier modernization as Russian civilizational phenomena]. In *Rossiya reformiruyushchayasya. Vypusk 12: ezhegodnik* [Reforming Russia. Vol. 12, yearbook]. Moscow, Novyy hronograf. Pp. 246–274.

Poberezhnikov, I.V. (2018). Frontirnaya modernizatsiya na vostokey Rossijskoy imperii: regional'nye variatsii [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical Bulletin]. No 4 (61). Pp. 72–80.

Poberezhnikov, I.V. (2018). Regional'nye varianty frontirnoy modernizatsii v Rossijskoy imperii v sravnitel'nom izuchenii (Ural, Zapadnaya Sibir') [Regional variations of frontier modernization in the Russian Empire in a comparative study (Ural, Western Siberia)]. In *Regional'nye modeli rossijskoy modernizatsii v XIX–XX vekakh: Ural, Sibir', Kazakhstan. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [Regional models of Russian modernization in 19th–20th centuries: Ural, Siberia, Kazakhstan. International scientific conference]. Orenburg, IPK OGU. Pp. 173–178.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy imperii. Sobranie 3-e. T. XXIII, Otdelenie I. [The Complete collection of laws of the Russian Empire. The 3rd Collection]. (1905). Vol. XXIII. St.-Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 1167 p.

Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 36. Sibirskie letopisi. Ch. 1. Gruppy Esipovskoy letopisi [The complete collection of Russian Chronicles, vol. 36, The Siberian Chronicles, part 1, Group of the Esipov chronicle]. (1987). Moscow, Nauka. 382 p.

Prutchenko, S.M. (1899). *Sibirskie okrainy. Oblastnyye ustanovleniya, svyazannyye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva: Istoriko-yuridicheskie ocherki.* [Siberian outskirts. Regional institutions associated with the Siberian institution of 1822, in the system of management of the Russian state: Historical and legal essays.]. St.-Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina. 407 p.

Rezun, D.Ya., Shilovskij, M.V. (2005). *Sibir, konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosocial`nykh i etnokul`turnykh processov* [Siberia, the end of 16th – the beginning of 20th century: frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk, Sova. 193 p.

Shcheglov, I.V. (1993). *Hronologicheskij perechen' vazhnejshih dat iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important dates from the history of Siberia: 1032–1882]. Surgut, Severnyy dom. 463 p.

Sibir` v sostave Rossijskoj imperii [Siberia as a part of the Russian Empire]. (2008). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 370 p.

Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii: sbornik statey i dokumentov [Ural-Kuzbass: from concept to implementation: collection of articles and documents] (2010). Yekaterinburg, Izdatel'stvo AMB. 400 p.

Vershinin, E.V. (2018). *Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoj Sibiri v kontse XVI — XVII vv.* [Russian colonization of North-Western Siberia at the end of 16th–17th centuries]., Ekaterinburg, Demidovskij institut. 504 p.

Zubkov, K.I. (2018). Lesnaya kolonizatsiya Uralo-Sibirskogo Severa: opyt rekonstrukcii hozyajstvennoy koncepcii 1920-h gg. [Wood colonization of the Ural-Siberian North: an experience of reconstruction of an economical concept of the 1920s] In *Regional'nye modeli rossijskoj modernizacii v XIX–XX vekakh: Ural, Sibir, Kazahstan. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya* [Regional models of Russian modernization in the XIX–XX centuries: Ural, Siberia, Kazakhstan. International scientific conference]. Orenburg, IPK OGU. Pp. 89–94.

Zubkov, K.I. (2019). Kolonizatsiya v istorii Rossii: ekonomika i geopolitika [Colonization in Russian History: economics and geopolitics]. In *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Historical challenges and economic development of Russia: proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation]. Yekaterinburg, Universal'naya tipografiya AlfaPrint. Pp. 186–190.

Zubkov, K.I. (2019). Rannyya kolonizaciya Sibiri: smysly i uroki Istorii [The early colonization of Siberia: the meanings and lessons of History]. In *EKO: Vserossijskiy ekonomicheskij zhurnal*. No 1 (535). Pp. 8–24.

Статья поступила в редакцию 28.11.2019 г.